

ПРИМЕНИТЕЛЬНО к России тезис "Наша история — это наша география" по-особому многомерен в своей истинности, обретая множество различных звучаний во времени. И недавняя путинская фраза "Границы России нигде не заканчиваются" — лишь одна из его вариаций, выражающих вовсе не стремление русских к какой-то экспансии и территориальным захватам, а отмеченную ещё Ф.М. Достоевским "всеотзывчивость", "всечеловечность" нашего народа, его внутреннюю готовность идти за правдой, красотой, добром хоть "за тридевять земель, в тридцатое царство", даже "пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что", как это и произошло — не в сказке, а наяву — в более чем семидесятилетней истории заявленного строительства сначала социализма, а потом даже коммунизма "в одной отдалённой стране", с Победой 1945 года и космическим преодолением "тяги земной", мешочек с которой не сумел поднять даже быллинный богатырь Святогор с его сверхъестественной силой, но поднял "оратай", то есть труженик-пахарь, Микула Селянинович. Даже между самыми известными строками русской ("У Лукоморья дуб зелёный...", А.С. Пушкин) и, казалось бы, самой близкой ей по генезису украинской ("Садок вишневий коло хати...", Т.Г. Шевченко) поэзии простирается непреходимая бытийная или, используя западного происхождения термин, экзистенциальная пропасть. В первом случае "центром мира" выступает чудесное Лукоморье, во втором — "хата". И эта пропасть ныне заметна уже и на политических картах.

Отмечая двухсотлетие со дня рождения Александра Николаевича Афанасьева (12 (24) июля 1826 г. — 23 сентября (5 октября) 1871 г.), выдающегося отечественного фольклориста, знаменитого своим собранием русских народных сказок с примыкающими к нему русскими народными легендами, а также созданием фундаментального труда "Поэтические воззрения славян на природу", мы не должны игнорировать тот факт, что основной объём записей этих сокровищ народного творчества был предоставлен Афанасьеву как члену этнографического отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО) согласно постановлению Совета ИРГО от 23 фев-

раля 1852 года. Ведь один из 17 "отцов-основателей" Географического общества, академик К.М. Бэр, указывал: "Всё, что народ сохранил от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям. Сюда мы отнесём: физические свойства народа, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, способы к жизни, жилище, посуду, оружие, язык, поверья, *сказки* (выделено мной. — Авт.), песни, музыку и пр." И если допустить, что в расхождении молодого выпускника юридического факультета Московского университета 1848 года, только в следующем ноябре принятого на службу в Министерство иностранных дел (так казалось его спор после прочтения слишком вольнодумной "кандидатской" лекции с министром просвещения графом С.С. Уваровым — тем

му что у меня слишком много другой работы (словарь). Как успею разобрать их, так и доставлю... Почестей не нужно мне ровно никаких, кроме того, что прошу Вас упомянуть только в общих словах, что такая-то книга сказок передана Вам; и это для того только, что было о них много речи и что вправе требовать или ждать от меня развязки этому делу".

То есть исходно таков был мощный общественный, можно сказать, соборный импульс того времени: дать русским людям возможность ознакомиться со своими народными сказками (как это сделано было для немцев в 1818 году братьями Гримм, а для французов ещё в 1697 году — Шарлем Перро). Внушительное начало этому импульсу дал уже Пушкин со своими поэтическими сказками, к числу которых можно отнести и его первую поэму

Внучке и Жучке изначально помогали вытянуть Репку из земли вовсе не ставшие впоследствии "каноничными" Кошка с Мышкой, а одна, другая и третья Ноги. Первый выпуск его "Русских народных сказок" был издан уже в 1855 году, и за восемь последующих лет увидели свет ещё семь выпусков (II и III — 1857, IV — 1858, V и VI — 1861, VII и VIII — 1863). Два последних из них вышли, когда Афанасьев уже находился под разбирательством по делу "о сношениях с лондонскими пропагандистами", то есть с Герценом, Огарёвым и их кругом, куда передавались рукописи Афанасьева для их "неподцензурного" издания. Такими были "Русские народные легенды" (1859), в 1860 году изданные и в России (почти весь тираж оказался мгновенно распродан, однако книга была официально за-

более трети из них вызвали замечания цензуры). Уже после его смерти вышли в свет подготовленные им, с включением аутентичных украинских и белорусских сказок, "Русские народные сказки" в четырёх томах (1873), классифицированные по их тематике (сказки о животных, волшебные, новеллистические, бытовые сатирические сказки, анекдоты), а примечания составили четырёхвёртый том, куда вошли и "лучбочные" сказки. Для полноты картины стоит упомянуть его работу "Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.", а также издававшийся им в 1858–1859 годах и закрывшийся по цензурным причинам журнал "Библиографические записки", в котором впервые были опубликованы некоторые стихотворения и письма обожаемого Афанасьевым Пушкина (кстати, упомянутое выше письмо Пушкина с восторженным отзывом о сказках тоже было впервые напечатано полностью в этом журнале), очерки о Н.И. Новикове и о сатирах Д.К. Кантемира.

Но, конечно, русские народные сказки (а их в афанасьевском собрании — более 600!) остаются бесспорной и высочайшей вершиной литератур-

ных трудов Александра Николаевича, которые не только выдержали испытание временем, — а уже более полутора веков наша страна и весь мир живут со сказками Афанасьева, — но и во всё большей мере начинают формировать его дальнейшее течение.

Благодаря собранию Афанасьева русская литература, вся русская культура в целом навсегда обрела свои уникальные фольклорные корни. И если словарь Даля был ключевой точкой сборки русского языка как общенародного (показательно, что издание Далям "Пословиц русского народа" предшествовало появлению самого словаря, выйдя в свет годом ранее), то сказки Афанасьева, чей первый выпуск относится, напомним, к 1855 году и считается истоком отечественной научной фольклористики стали ключевой точкой сборки русского мировоззрения, которое до сих пор цветёт и плодоносит как в устном народном творчестве, так и в нашей литературе — а её создают люди, уже не в первом поколении знакомые с русскими сказками из собрания Афанасьева великого.

Владимир ВИННИКОВ

МИРУ ИЗВЕСТНЫ коллекционеры-подвижники, вроде Павла Третьякова, братьев Щукиных да Морозовых, и коллекционеры-преступники, наподобие Германа Геринга, обожавшего барокко и шик Людовика-Солнце. Литература знает чудовищного "Коллекционера" Джона Фаулза. Его персонаж — ловец человеков. "Коллекционерство — огромное мёртвое нечто, заполняющее всё его существо", — писатель с откровенностью ненавидит этот тип людей и уже не так важно, что они собирают — табакерки маркизы де Помпадур или тела и души. "Коллекционирование — это антижизнь, антиискусство, анти — всё на свете", — вещает Фаулз.

Коллекционирование — это болезнь? Пресыщенные персонажи декаданса — Дориан Грей и Дез Эссэнт — окружали себя картинами, книгами и обвораживающими, редкими парфюмами. Коллекция — отражение разума — повреждённого иль здорового, посему она может быть не только пафосной, утончённой, странной, а порой и маниакально-безумной. "Как известно, каждый коллекционер способен на воровство и даже на убийство, если речь идёт о том, чтобы пополнить коллекцию новым экземпляром", — заключил Карел Чапек, отличавшийся колким остроумием.

Коллекционирование — это ещё и, в известной степени, игра. Вся подростково-детская литература наполнена образами мальчиков и девочек, что-то непременно собирающих — значки, марки, этикетки или, как у Юрия Нагибина, — звуки. Его маленькая героиня коллекционировала вариации на тему эхо: "У меня уже много собрано. Есть эхо звонкое, как стекло, есть как медная труба, есть трёхголосое, а есть — горохом сыплется". Иное дело, что с возрастом это проходит.

По счастью, коллекционерами движет всё-таки не шизофрения, а тщеславие, эффектно прикрытое любовью к искусствам, редкостям и красоте. Хвалятся вкусом и возможностями — тут корень явления. Екатерина Великая, не будучи докой в живописи, деятельно скупала картины, воображаясь с мнением Дени Дидро. Имидж мудрейшей государыни требовал соответствующего наполнения, а без рыльных собирателей наша культурная жизнь была бы скудна.

Итак, в Государственной Третьяковской галерее сейчас проходит выставка "Предшественники Павла Третьякова", посвящённая Фёдору Прянишникову и Козьме Солдатёнку. Зрителю предстоит узнать, что "Явление Христа народу" когда-то приобрёл Солдатёнок, а тропининскую "Кружевницу" — Прянишников. Здесь — масса знакомых и знаковых полотен, к которым привыкли не только искусствоведы и любители живописи, но и люди, весьма далёкие от творческих изысканий. Экспозиция расширяет наши понятийные рамки, ибо судьба произведения — это ещё и путь от владельца к владельцу.

Представлены не только живописные произведения, но и архивные материалы, книги и документы, повествующие о судьбе коллекционеров, совершенно не похожих друг на друга. Ни в чём! Один — видный чиновник, второй — купец из старообрядческой династии.

Посетителей экспозиции встречают два портрета — эти люди и внешне "из разного теста". Подтянуто-строгий, суховатый Прянишников кисти Карла Брюллова — образец респектабельности плюс неперменные ордена, тогда как Солдатёнок, написанный Аполлинарием Горавским, — этаткий живчик с пронзительным взором и с полуулыбкой на устах. Их биографии никак бы не пересеклись, если бы не одна, но пламенная страсть.

Фёдор Прянишников родился на излёте галлантного столетия. Отец был при чинах, да к тому ж адептом просвещения, а потому детство будущего мецената прошло среди книг и в расхождении о высоком. Потом — благородный пансион, университет, служба. Прянишников достиг II класса по Табели о рангах, начав, как и все дворяне, с коллежских регистраторов. Ка-

СОБИРАТЕЛИ СОКРОВИЩ

В Третьяковской галерее проходит выставка, посвящённая Фёдору Прянишникову и Козьме Солдатёнку

рьера — его личная заслуга, а не подковёрные игры лизоблюдов. В конечном итоге он сделался главой почтового департамента и начальником всех почтамтов России. Благотворительность — ещё одна стезя. Он покровительствовал художникам, не только скупая их произведения, но и учреждая премии или пособия деньгами. Так, финансово помог юному Илье Репину при поступлении того в Академию художеств.

Как и все современники, включая Николая I, господин Прянишников интересовался творчеством Карла Брюллова. В экспозиции можно увидеть ряд портретов, например, изображение генерал-адъютанта графа Василия Перовского — славного воина с туманной родословной. Его матерью была мешанка, приглашавшаяся одному из Разумовских. Портрет, несмотря на свою парадность, всё же выдаёт натуру Перовского — лихость, бесстрашие, энергия через край. Буйные кудри написаны в присущей Брюллову манере — детально прорисованы, как, впрочем, и награды, аксельбанты, эполеты. Живописец умел польстить, не опускаясь до поддобирачества.

В коллекции Прянишникова множество так называемых "ведут". Veduta — поджанр городского пейзажа, где отрисовывались все детали без привычной эстетизации. Всё как есть. Их назначение — явить городской вид в его реальности. Вот — картины Фёдора Алексеева, где отрисован Кремль, каким он был в 1810-х годах. Алексеев считался одним из лучших пейзажистов начала XIX века — его ценили за итальянскую стилистику при филигранной точности. Одним из его учеников, а на ранних этапах и подражателем, был Сильвестр Щедрин, произведение которого также имелось в собрании Прянишникова. "Рим. Замок Святого Ангела" — изумительная работа, где "копирование" действительности не мешает чувствам. Колористика вроде бы скромна — все оттенки коричневого, но световое решение делает римский вид потрясающе ясным и солнечным.

Очарователен портрет неизвестной андалузской девушки, написанный Карлом Штейбенем — французским художником немецкого происхождения. Он более десяти лет жил и трудился в Санкт-Петербурге, изначально будучи приглашённым для создания образов для Исаакиевского собора. Штейбен дивил скрупулёзной техникой, и позировать ему стремился весь бомонд. Живописец отобразил мельчайшие подробности костюма: красивые банты, украшения, тончайшие кружева. Тогда ценился типаж светлокочей брюнетки, а героиней дамских романов непременно бывала таинственная донья с чёрными локонами или косами, но с холёными руками — прямо как героиня Штейбена.

Русские художники часто посещали жизнерадостную Италию — родину гармоний. Орест Кипренский провёл в Риме, Неаполе, Венеции несколько лет. В коллекции Прянишникова есть одна из достопримечательных вещей того периода — "Читатели газет в Неаполе". Показаны мужчины, облачённые в модные о ту пору восточные халаты. Обстановка — домашняя, но не расслабленная. Сеньоры штудируют политические новости. То был привычный вариант общения в XIX веке — собраться тесным кружком, декламируя прессу и обсуждая насущные проблемы социума. Там допускались и колкости в адрес действующей власти.

Хорош автопортрет Ивана Яковлева — живописца эры классицизма. Молодой художник продемонстрировал себя с античным слепком — этим наиважнейшим атрибутом созидателя. Голова божественной Венеры — вот канон времени. Контрастом выступает лицо самого Яковлева, далёкое от канонических пропорций, но оживлённо-возвуждающее. Бесстрастная красота и витальный порыв — таково смысловое наполнение картины.

"Кружевницу" иной раз именуют тропининской Дюконой — та же загадочная полуулыбка и спокойный взор. Публика была в восторге, хотя некоторые брюзги и обвиняли Тропинина в

чрезмерной приверженности Жану-Батисту Грёзу, на тот момент уже устаревшему. "Написана гладко и, хотя чрезвычайно закончена, однако не замучена и способна до сих пор производить впечатление чрезвычайно жизненности лица, отлично вылепленными руками и серебристым, нежным колоритом", — скажет впоследствии Александр Бенуа. Девушка, плетущая кружева, стала одной из визитных карточек нашей живописной традиции, а Прянишников сумел это понять!

ВТОРОЙ ФИГУРАНТ экспозиции — Козьма Солдатёнок — родился в семье воеводы купца I гильдии, и поэтому судьба отпрыска была предопределена — коммерция, договоры, производство тканей и умножение капитала. Козьма с братом действительно унаследовали бизнес, но, помимо денег и материальных благ, их волновали также интеллектуальные ценности.

Коллекционировать живопись он начал, когда ему было чуть за тридцать, и довольно быстро заслужил прозвище Козьма Медичи. Он активно меценатствовал, помогая живописцам. Как и его собрат Прянишников, наш московский Медичи предпочитал картины Брюллова, и в собрании появилась нежнейшая "Вирсавия". Согласно Библии, героиня слыла красивейшей женщиной, и Брюллов выказал весь свой талант, изображая чарующую брюнетку с лилеиным телом — воздушную и чувственную одновременно.

"Танец среди мечей" Генриха Семирадского ошеломил публику — размахом, яркостью, торжеством плоти. Идеализированная античность и любование цветами, колоннами, телами — в этом вся натура Семирадского. Правда, ханжеские моралисты сочли "Танец" вульгарно-эротическим, а вот Солдатёнок, лично знакомый с Семирадским, приобрёл картину, да ещё и разместил её в своей роскошной столовой.

В галерее negocianta имелись и призмлённо-бытовые сюжеты. Кому неведом "Завтрак аристократа" Павла Федотова? Сатира вкупе с состраданием — разорившийся патриций закрывает книжкой свой скудный паёк, стыдясь всех и вся, но особенно — себя. При всём том гордый нобиль держит в конурке белого пуделя — дорогостоящую собаку — и носит дома атласные одеяния. Эта смесь гонора с нищетой была типична для благородной публики, стремительно терявшей свои позиции рядом с такими, как Солдатёнок.

Знаменитые "Проводы покойника" Василия Перова — тоже из солдатёнковского собрания. Крестьянка и её дети везут на кладбище почившего кормильца. Финальный выезд не то что печален, он страшен. Зимняя стужа и вой собаки, сопровождающей процессию, добавляют ужаса происходящему. Что ожидает вдову, оставшуюся с малолетками? Потеря мужа означала тотальную беспросветность — достаточно вспомнить поэму Николая Некрасова "Мороз, красный нос", где смерть кажется наилегчайшим выходом из бытийного тупика.

Примечал Солдатёнок и талант Исаака Левитана, чья радостная "Весна. Большая вода" украшала коллекцию. Удивительный еврей, думавший и писавший по-русски, он, как мало кто, понимал природу Средней Полосы. Вот — тонкий, будто бы вуаль, свет обволакивает берёзы, небо, землю и отражается в воде. Всё пронизано свежестью и чистотой — каждая клеточка вселенной дышит обновлением. Левитановские пейзажи всегда одухотворены, словно бы мастер по-язычески поклонялся деревьям, травам и стихиям.

Эта выставка информативна и шикарна. Зрителя ждут открытия, о коих он не догадывался, полагая, что "путешествие" картины от автора к покупателю, а там и в музей — исключительно профессиональное знание. Павел Третьяков — на слуху, а Фёдор Прянишников и Козьма Солдатёнок оказались в тени, но забытые имена частенько звучат не менее громко, славно, патетично.

Галина ИВАНКИНА